

Екатерина
Кульков
Перевозбуждение
примитивной
личности

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В46

Дизайн — *Екатерина Ферез*

Вильмонт, Екатерина Николаевна.
В46 **Перевозбуждение примитивной личности /**
Екатерина Вильмонт. — Москва : Издательство
АСТ, 2018. — 272 с. — (Про жизнь и про любовь:
Екатерина Вильмонт).

ISBN 978-5-17-093902-2

Выбирать между любовью и одиночеством просто. Но когда любовь сваливается на тебя как снег на голову да еще число претендентов на твою руку и сердце растет с каждым днем — как тут быть? На ком остановить выбор?

Главное — не унывать! И не бояться сделать шаг навстречу мечте. Ведь счастье рядом, нужно только не пройти мимо него...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093902-2

© Е.Н. Вильмонт
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Эту историю мне рассказала Дина, племянница моей старой подруги. Дину я помнила совсем девочкой, потом очаровательной девушкой, а теперь передо мной сидела элегантная, уверенная в себе иностранка, преподаватель Маастрихтского университета, вдова сорока двух лет, впрочем, на вид больше тридцати пяти ей не дашь. Но это не история ее становления, это история любви, которая, похоже, перевернет скоро всю ее жизнь. Впрочем, кто знает... Я изменила здесь только имена и фамилии.

Глава первая

В МОСКВУ, В МОСКВУ

Вот уж воистину, от суммы и от тюрьмы не зарекайся! И если проблема суммы сейчас передо мной в силу многих обстоятельств не стоит, то в тюрьму я все-таки угодила, хоть и в голландскую! И всего лишь на три дня, смешно, правда? А дело было так: выхожу я в Маастрихте из супермаркета и вижу: какой-то молодчик арабского типа вскрывает багажник моей машины. А надо вам сказать, что в Голландии обычно полицейских не видно, но, когда нужно, они тут как тут. Но не в моем случае! Тогда я выхватила из пакета литровую бутылку кока-колы, подбежала к нему сзади и шарахнула по башке! А что еще мне оставалось? Он упал и вроде даже потерял сознание. Вот тут сразу появились двое в полицейской форме и арестовали меня. Но я не испугалась, я ведь в Европе, разберутся... Вот если б я в Америке негра так шарахнула, меня с их гребаной политкорректностью могли запросто черт-те в чем обвинить, а тут... Я позвонила своему адвокату, но три дня все-таки пришлось отсидеть. Хорошо от-

дохнула, между прочим. Меня только беспокоили мои звери — собака Тузик, чистокровная дворняга, и два кота, Кукс и Мойша. Но старый друг Додик согласился эти три дня пожить в моем доме и присмотреть за зверинцем. В последнюю тюремную ночь мне приснился сон — я, совсем молоденькая, играю в волейбол на пляже в Красной Пахре, где у отца была дача. Мне жарко, я вхожу в речку и плыву по течению, и мне так хорошо, прохладно, а солнышко светит, берега пустынные, и вдруг я вижу полянку, всю в ромашках, такие в природе редко встречаются, все больше на рекламных снимках в глянцевых журналах... Я вылезая на берег и вдруг осознаю, что мне от силы лет семь-восемь, а в волейбол я играла восемнадцатилетней... Значит, если бы я не вылезла на берег, то могла бы доплыть по этой речке до небытия? Но тут я проснулась. Странно, мне редко снятся сны, а уж снов о прошлом я практически никогда не вижу. К чему бы это, думаю?

Утром я вышла «на свободу с чистой совестью». Встречал меня Додик.

— Ну ты даешь! — он обнял меня. — Как тебе голландское узилище?

— Класс! Но все-таки больше всего на свете хочется принять душ! Как там мои звери?

— Нормально! Кукс только очень скучает.

— Он обиделся, не будет неделю со мной общаться, я его знаю!

— Слушай, Динка, а кто такая Тося Бах?

— Кто? — ахнула я.

— Звонила какая-то Тося Бах. Из Москвы.

— Господи, невероятно! Это моя одноклассница... Но как она узнала мой телефон?

— Вероятно, у твоего отца?

— Исключено. Отец не знает ни адреса, ни телефона. Мы последний раз общались лет десять назад, и я тогда еще жила в Амстердаме. А что она хотела?

— Понятия не имею, спросила только, я муж или не муж. Еще спросила, где ты?

— И ты, конечно, не отказал себе в удовольствии сообщить, что я в тюрьме? — засмеялась я.

— Как ты хорошо меня знаешь! Разумеется, я сказал чистую правду!

— А она что?

— Сперва глухо замолчала, потом решила, что я шучу, а потом я сжалился над ней и заодно над твоей репутацией в родном городе и все объяснил. Так что она сегодня будет звонить, если, конечно, не слишком испугалась.

— Интересно, что ей понадобилось? Я о Тосе Бах больше двадцати лет не слышала.

— Ну, наверное, собралась зачем-то в Голландию или в Бельгию, вот и разыскала тебя.

— Но через кого?

— Ну, в принципе, можно через адресный стол найти человека.

— Но она не знает моей новой фамилии...

— Ерунда, Динка, найти человека не так уж сложно. Какая-нибудь наша Арахна¹ где-то тебя упомянула, кто-то тебя вспомнил...

¹ В греческой мифологии лидийская девушка, превращенная Афиной в паука.

— Да, вероятно...

Между тем мы приехали в маленький бельгийский город Маасмехелен, где я после смерти мужа жила со своим зверьем. Тузик с громким лаем кинулся ко мне, Мойша стал радостно тереться о мои ноги и громко мурлыкать, а Кукс смерил меня сумрачным взглядом и величественно удалился. Обиделся, как я и предполагала. Он же не знает, что я не развлекалась на стороне, а сидела в тюрьме и потому нуждаюсь в сочувствии.

— Додик, заходи, кофе дам.

— Нет, благодарю, у меня и так проблемы в личной жизни из-за твоего хулиганства! Я только заберу лэп-топ и пижаму. А вот вечером давай где-нибудь поужинаем!

— А личная жизнь?

— К вечеру я с ней уже на сегодня покончу! Со звонимся?

— Конечно!

Как все-таки хорошо дома! Однако наслаждаться домашним уютом мне мешала мысль о звонке Тоси Бах. Это был звонок из прошлого, далекого и, казалось, прочно забытого. Я вроде бы хорошо усвоила науку забвения. Жизнь сложилась так, что каждые несколько лет приходилось говорить себе — забудь. С каждым разом мне это давалось все легче, а Тося Бах была из того, самого долгого, периода, забыть который было труднее всего, ведь там осталось всё — родители, детство, юность,

школа, первые влюбленности, первая взрослая любовь, родина, наконец... Но я справилась, по крайней мере, мне так казалось, пока эти семь букв — Тося Бах — не взбаламутили душу...

Тося Бах была моей школьной подругой, мы с первого класса сидели за одной партой, правда, часто ссорились, уж очень разные характеры. Но все-таки общего было больше. Ее отец был крупным ученым, мать тоже, у них была большая, типично профессорская квартира с массой книг, не слишком ухоженная, там всегда слегка пахло пылью, но мне у них нравилось. Их домработница Маруся делала фантастические блинчики с мясом. Тоська была младшей дочерью в семье, и ее родители были лет на десять старше моих. У нас тоже была большая квартира с массой книг и домработница, правда, она занималась только уборкой и стиркой, готовить бабушка ей не доверяла. У Бахов домработница жила много лет, а у нас они менялись очень часто. И вообще, их дом представлялся мне какой-то твердыней, а наш — шатким и валким. Что впоследствии и подтвердилось... Интересно, Тоськины родители еще живы? Неужели она хочет приехать и потому разыскала меня? А я хочу ее видеть? Не знаю... Наверное, скорее хочу, но лучше бы этого не было... Вон как от одного только упоминания ее имени все разбередилось... И боль от потери мамы, и обида на отца и бабу, и вообще... Но тут зазвонил телефон.

— Алло!

— Динка, привет, это Тося Бах. Помнишь ме-

ня? — каким-то странно-деревяннным голосом спросила старая подруга.

— Разве такое забывается, Тоська? — вдруг жутко обрадовалась я. Она, видно, это почувствовала, и голос зазвучал совсем по-другому.

— Тебе передали, что я звонила?

— Конечно!

— Слушай, ты правда в тюрьме сидела?

— Истинная правда, но не волнуйся, это фигня!

— Ой, Динка, я вот услышала твой голос, так захотелось повидаться... Да, я чего звоню-то! Ты помнишь, что в этом году четверть века, как мы окончили школу?

— Нет, не помню... Четверть века? Какой кошмар!

— Не говори, но суть не в том. Мы решили собраться всем классом! И приглашаем тебя!

— Куда приглашаете?

— Как куда? В Москву, конечно, в нашу школу! Знаешь, я сколько народу обзвонила, сначала все в шоке, а потом так радуются, придем, говорят. Даже Оська Левин из Сан-Франциско обещал прилететь... Помнишь Оську?

— Еще бы!

— Ну ты приедешь? Сможешь?

— А когда? — вдруг охрипла я.

— Керосинка сказала, что можно в первых числах июня.

— Керосинка? Она еще жива?

— Жива-жива! Она теперь директор школы!

— С ума сойти! Тоська, а ты как живешь?

— Нормально, Динка, но это долгая история, вот приедешь, поговорим! Так ты приедешь?

— В первых числах июня? Не знаю... Надо посмотреть расписание... у меня же лекции... Не знаю...

— Динка, ну, пожалуйста, приезжай! Если нужно, мы какую хочешь бумагу вышлем, хоть от президента! Наш Ванька Дрожжин работает в администрации президента! Так что, сама понимаешь. Запиши мои телефоны, домашний и мобильный! Звони в любое время, хоть в три ночи! Если будут проблемы с билетами на самолет, поможем! А можно вообще так сделать — Борька Мухин живет в Ганновере, он собирается ехать на машине, может, вы скооперируетесь, хочешь, дам тебе его телефон?

— Нет, нет, не нужно. Я подумаю, Тося. Ты только скажи, родители живы?

— Живы, слава богу! И Маруся при них!

— С ума сойти! Ой, Тоська... Кажется, я все-таки приеду!

— Умница, Динка, я в тебе не сомневалась, хоть ты и сволочь хорошая, пропала на столько лет! Подруга называется!

— Тоська, а как ты меня нашла?

— Долго рассказывать! Много интересного о тебе на этом пути узнала, но имей в виду — ни одному слову не поверила!

— Все понятно, занималась арахнологией!

— Точно! Они там как пауки в банке, очень точно сказала. Ой, Динка, а мы по-прежнему понимаем друг друга с полуслова... Динка, ты только скажи,

тебе есть где остановиться в Москве? Я так поняла, ты с отцом отношений не поддерживаешь?

— Нет, но это неважно, я остановлюсь в гостинице, сейчас это, говорят, уже не проблема?

— Нет, ты только скажи, какую гостиницу тебе заказать?

— Нет, нет, я сама... Посмотрю по Интернету, со-звонюсь...

— Слушай, а может, не надо в гостиницу, приезжай прямо ко мне, я сейчас одна...

— Спасибо, Тоська, но я лучше в гостинице, мне так проще.

— Дело твое. Но на дачу к нам ты поедешь.

— У вас все та же дача?

— Конечно, только кругом ничего не узнать. Ой, Динка, приезжай! Точное число я сообщу тебе на той неделе. Но это будет либо седьмое, либо восьмое июня, так что можешь заказывать билет... Динка, приезжай на подольше, так, чтобы после встречи еще побыть в Москве, пообщаться...

— Я тебе позвоню!

— Не вздумай отказаться! Это будет большое свинство! Ты помнишь Костю Иванишина?

— Конечно! Он был в меня жутко влюблен!

— А ты мучила бедного мальчика! Он, между прочим, у нас сейчас такая звезда, закачаешься!

— Звезда? В какой области? — крайне удивилась я.

— Актер! Знаменитость, пол-Москвы по нему сохнет, красавец стал... и между прочим, когда я ему позвонила, первое, что он спросил: «А Шадрина бу-

дет?» Так что имеешь шанс! И вся Москва лопнет от зависти!

— Ты же говорила про пол-Москвы! — засмеялась я.

— Ну правильно, все московские бабы это и есть пол-Москвы!

Я уже задыхалась от волнения и от жуткого желания очутиться в городе моего детства.

— Ты Москву не узнаешь! Ну так что, я могу пообещать Косте встречу с первой любовью?

— Да!

Так вот что означал этот сон — возвращение к истокам, к детству, юности... И хотя до назначенной даты оставалось еще полтора месяца, я вдруг внутренне заметалась... Ну, в университете я все улажу, поменяюсь с Йоном и дней десять смогу выкроить. Десяти дней вполне достаточно... Но с кем я оставлю зверье? Женщина, которая обычно с ними оставалась, на днях перенесла тяжелую операцию и вряд ли до тех пор поправится. Додик может не согласиться... Хотя почему? Он же свободный художник, какая ему разница, где ночевать? Пусть приводит сюда своих баб, мне не жалко. Сегодня же поговорю с ним... А если не выйдет, обращусь к студентам, может, кто-то и согласится... Короче, времени на устройство достаточно. На самый худой конец, отдам их в звериный пансион. Хотя жалко, я один раз пробовала... Им там явно не понравилось, ничего, устраюсь как-нибудь.

Что это со мной? Ностальгия? Я всегда считала себя свободной от этого типично русского недуга... Очевидно, нельзя считать себя свободной ни от какого недуга, вот разве что простатит мне не угрожает и какие там еще есть типично мужские болезни. А все остальное, что случается с людьми, может случиться и со мной... Мне вдруг стало неудобно. И хотя на здоровье я до сих пор не жаловалась, но все-таки уже сорок два... И чтобы не думать о болезнях, я полезла в Интернет, узнать все о московских гостиницах. Ненавижу жить в чужих домах, приравниваться к чужому образу жизни и вынуждать людей считаться с моими привычками, как бы скромны они ни были. Поэтому люблю гостиницы. Может быть, остановиться в «Национале», если он еще существует? Да, существует. Когда-то в детстве я часто бывала с родителями в кафе «Националь», позже мы ходили в ресторан «Националь» с Андреем Георгиевичем, и я всегда мечтала пожить в этой гостинице. Вот теперь я могу осуществить свою детскую мечту.

Андрей Георгиевич, Андрюша... Интересно, он жив еще? С ним я точно не хочу встречаться, он, наверное, совсем старик уже, ровесник папы. Моя первая любовь. Мне было шестнадцать, ему почти сорок... Я умирала от любви к нему. Дура, идиотка! Самонадеянная кретинка, мне казалось: если я, такая юная, подарила себя и свою любовь такому пожилому человеку, то он должен меня боготворить до самой смерти... А он и не собирался. Он был очаровательный, легкомысленный, сексапильный, и я

вовсе не стала его роковой страстью... Просто хорошенькая, молоденькая влюбленная идиотка, которая довольно быстро ему надоела своими претензиями на великую любовь. Тьфу, стыдно вспоминать! Но как я страдала, хотела даже с собой покончить, более того, попыталась. Вычитала в каких-то театральных мемуарах, что в начале двадцатого века некая девица, безнадежно влюбленная в блестящего офицера, вышла в мороз в одном платье и долго гуляла у него под окнами. Разумеется, простудилась и умерла от пневмонии. Мне эта история показалась невероятно красивой, и я тоже вышла на улицу в легком платье, ночью... Но то ли морозы в начале века были сильнее, то ли девушка была слабее меня здоровьем, но у меня даже насморка не случилось. Конечно, я справилась со своим горем, ведь это было уже не первое горе в моей короткой жизни. Сначала отец ушел от мамы, ушел к молодой девушке, которая вскоре родила ему девочку, не прожившую и неделю. Потом тяжело заболела мама и, проболев полгода, умерла, а я осталась одна. Отец, конечно, взял меня к себе, и я даже сумела подружиться с его новой женой. Ее звали Варя, она была милая, добрая, да еще и бабушка всячески старалась нас сдружить. Но спустя года полтора отец ушел от Вари, у него опять закрутился бешеный роман и было совсем не до меня, а бабушка почему-то прониклась острой приязнью к новой даме отца... Для нее вообще не было в жизни ничего важнее прихотей любимого сына, даже внучка была на десятом месте, тем более что

бабушка и сама еще работала в полную силу, так что к девятнадцати годам, когда я уехала из Союза, я успела много чего нахлебаться. И сейчас в Москве у меня есть сестра, которую я никогда даже не видела, знаю только, что ей двадцать лет и зовут ее Нелли.

Ах, как я не люблю вспоминать! А тут нахлынуло...

Короче говоря, когда позвонил Додик, я воскликнула:

— Ты хотел где-нибудь поужинать? Я с удовольствием! Не заезжай за мной, я сама приеду, где мы встретимся?

— Динка, что с тобой случилось?

— Расскажу при встрече!

— Ты меня пугаешь! В чем дело?

— Ни в чем, просто нервы...

— А, ну если нервы...

Мы договорились встретиться в маленьком деревенском ресторанчике на полпути из моего бельгийского Маасмехелена до его голландского Маастрихта.

— Ну и что стряслось? — спросил Додик при виде меня. — Какие-то неприятности от Тоси Бах?

Вот за что люблю Додика — он понимает меня почти без слов, как, впрочем, и я его.

— Это не неприятности, отнюдь... — я все ему рассказала.

— Ну, судя по смятению в глазах, ты собираешься ехать, и мне придется стать зрителем в зевринце? — обреченно произнес он.